

Интервью номера

8.10.04

Хазанов Геннадий

В Театре Эстрады предпремьерная лихорадка. Дней через десять здесь запускается мюзикл *We Will Rock You*, а в последних числах октября «Театр Антона Чехова» сыграет еще один (после «Ужина с дураком» и «Смешанных чувств») спектакль с Геннадием Хазановым в главной роли. «Все как у людей» – комедия Марка Камолетти, постановка Леонида Трушкина. А тут еще «Аншлаг», с которым Хазанов оборвал все связи много лет назад. В общем, поводов попросить об интервью накопилось достаточно. Худрук Театра Эстрады на просьбу откликнулся, однако при всей своей корректности был ммур и мрачен, чтобы не сказать зол.

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

– Чем я могу быть вам полезен при том, что мы абсолютные антиподы?

– Почему антиподы?

– Да так как-то наши жизни идут параллельно и нигде, по-моему, не пересекаются. Я помню, что вы написали, скажем, про «Ужин с дураком». Хотите процитировать? Не ручаюсь, что наизусть, но близко к тексту.

– Боже мой, я сейчас в обморок от гордости упаду, что Хазанов помнит мою рецензию пятилетней давности.

– Шестилетней.

– Ах, извините. Вы такой злопамятный человек? И для вас действительно важно чье-то мнение?

– Я не злопамятный. Но в тот момент у меня была переломная ситуация в жизни. С начала 91-го года я стал ощущать дыхание собственного финиша на той дороге, по которой шел всю жизнь. Я вдруг отчетливо понял, что вынута стержневая составляющая этого жанра – коммунистическая идеология, официальная, закрепленная в Конституции. Все остальное было производным от этой функции. Когда функцию убрали, стало ясно, что скоро отомрут и производные и мы будем двигаться в сторону мирового массового юмора, который весь построен на уровне ватерлинии или ниже ватерлинии, и других законов не мо-

жет быть. Все остальное – это прерогатива интеллектуалов. Коммунистическая идеология рекрутировала огромное количество оппонентов. Они могли сами не отдавать себе в этом отчета, но, скажем, покупка товара с черного хода, казалось бы, никакого отношения к идеологии не имеющая...

– Это, разумеется, подрывное действие.

– Конечно. А поскольку наш жанр занимался борьбой с производными – с функцией нельзя было бороться, да и с производными – до определенной черты, только я заносил через нее ногу, как меня били по ногам и не только по ногам, лишая работы и эфира на длительный период... Мне искренне было непонятно, почему таких простых вещей не видят мои коллеги, но в тот момент меня интересовала только моя собственная судьба. Я понимал, что передо мной пропасть. Тогда судьба вынесла меня на историю...

– С «Игроками».

– Нет, сначала с Досталем. Досталь предложил мне «Маленького гиганта большого секса». Меня не интересовало, что это за кино, я только понимал, что мне надо куда-то броситься. Потом вдруг на райкинском восьмидесятилетии ко мне подошел Юрский по поводу «Игроков». Я не спросил даже, кого играть. Когда он сказал, что это во МХАТе, какие актеры заняты, я сразу сказал: да,

К концу 93-го года мне показалось, что я нашел какие-то поправки, чтобы удержаться в этом жанре. Возник очень способный, на мой взгляд, литератор, живший в Томске, – Шестаков. Я искренне влюбился в то, что он делает. Потом уже выяснилось, что автор не мой, и сопротивление материала начинало ломать суставы.

На это же время падают конфликты со зрительным залом, когда меня изгоняли со сцены, топали ногами, кричали: хватит! Уходи!..

– Вас изгоняли?!

– Да, конечно. Это было не единожды. Первый раз – в октябре 94-го года, в киноконцертном зале «Октябрь», куда собрали людей, чтобы их отвлек от митингов, связанных с годовщиной известных событий. Я вышел в сборном концерте, стал читать рассказ Шендеровича «Лужа», и где-то минут через пять из зала крики: хватит!.. Первый раз в своей жизни я остановился и начал читать что-то другое. Они сказали: нет, уходи! И я ушел.

– Но какова причина?

– Причина, я думаю, – перед нами предстал объект, на которого можно было излить свою ярость. Они отождествляли меня с новой властью, с Ельциным, хотя у меня никаких государственных должностей не было, но это неважно...

– В общем, вы отвечали за расстрел Белого дома?

– Во всяком случае, на этом концерте я отвечал.

Потом было еще несколько примеров, причем эти примеры вылезли за пределы России. В 96-м году у меня был концерт в Германии, если не ошибаюсь, в Штутгарте. Я читал новые произведения Шестакова...

– Назовите хоть что-нибудь.

– Ну, у него такие странные ве-

– А что мне было читать? Не станешь же каждому плакаться, что авторов не осталось. Из тех, кто этим занимался, кто-то бросил, кто-то сам читает. Многие уехали. Потом к фразе «а те далеке», добавилась первая часть: «иных уж нет»... Я похож на хозяйку, которая хочет варить суп, умеет это делать, а продуктов нет. А те, которые есть, они не только не первой свежести, но просто лежат за границами санитарной нормы.

– После этих случаев вы не боялись выходить на сцену?

– Я все реже и реже стал это делать. Только по необходимости. Хотя я это очень люблю и, более того, умею.

– Минувшей весной вы объявили, что заканчиваете свою эстрадную карьеру.

– Нет. Ничего такого я не заявлял. Я не говорил, что ухожу со сцены, что не буду больше участвовать в концертах. Я этого не произносил.

– Даже по ТАССу прошло сообщение...

– Объясню. Я пришел на ОРТ, на утренний эфир. И сообщил, что у меня последние концерты. Почему последние? Потому что я уже знал репертуар на следующий сезон. Я знал, что у меня две недели в месяц будет идти *We Will Rock You*, а другие две недели – спектакли «Театра Антона Чехова» с моим участием. И какие-то еще концертные программы, куда мои солистки не вписываются. Поэтому я точно знал, что в сезоне 2004/05 не буду работать. И когда Стриженов задал мне вопрос: «Так что получается, что худрук Хазанов уволил артиста Хазанова?» – я ответил: ну, получается так. Потом они что-то смонтировали, подрезали, и получилось, что я ухожу. ТАСС сообщил, а я не стал давать опровержение.

последние, прощальные... Все прибежали, потому что испугались, что больше вас не увидят. Хазанов должен быть, и все.

– Что ж так все переполошились, на похороны-то прибежать? А почему в феврале эти люди не изъявили желания? А тут стали звонить, как сумасшедшие: посадите, устройте. Последний концерт – вдруг надо идти. Почему?! И это уже не первый год, это тенденция. Зато играю здесь, в Театре Эстрады спектакль с Чуриковой – стул куда поставить. При том, что соотношение цен самого дорогого билета на сольнике и на спектакле – один к десяти. Там пятьсот рублей, здесь пять тысяч. Там ползала, здесь попасть нельзя.

– Неужели драматический театр стал популярнее разговорной эстрады?

– Да. Этот жанр усох с точки зрения потребителя. Раньше это был кислород для людей. Мы выполняли функцию озонатора воздуха. А потом актеры этого жанра стали выполнять функцию загрязнителя воздуха. Или озонатора – но для определенной части культуры, лежащих вне какой-либо культуры. Об искустве я вообще молчу.

Я один из тех ненормальных, кто рассказывает то, что есть, а не то, что надо знать людям. Меня часто ругают: зачем ты говоришь, что ты проваливаешься, не делаешь сборов, что тебя выгоняют со сцены? А зачем я буду себя обманывать? Мне скучно. Я уж как-нибудь так доживу.

– Вы довольно давно откололись от сплоченной компании ваших коллег.

– Ничего плохого ни о ком не хочу сказать, учитывая даже ту войну, которую мне объявили... Да, я выпал из гнезда. Это не хорошо и не плохо, это моя судьба. Для меня

Суровое

– Я была на концерте, собравшем битковой аншлаг.

– Вы были в марте. Помню даже, какого числа. А в феврале был сольник, на котором собралось ползала. Я вышел, сказал директору: все, надо заканчивать. Глупо продолжать, если это не вызывает интереса. Сколько в марте у меня? Он говорит: три. Давайте отменять. Они сказали: мы не можем отменить, билеты в городе. Я сказал: хорошо. Я сделаю так, что будут аншлаги, я знаю, что для этого нужно сделать. И три дня прошли на аншлагах.

В феврале мы честно выклеили по городу двести афиш, сообщающих, что я играю. Результат – ноль. Тогда на мартовские концерты мы сделали шестистраничные, такие большие плакаты. Три дня на аншлагах, прибегает директор и говорит: ну вот ведь, все же хорошо! Я говорю: нет, не все хорошо. Мы потратили 25 тысяч долларов на изготовление и расклейку. Это без телевидения и без радио, которые не взяли с нас ни копейки. И так каждый месяц? Тратить такие деньги?

– Вы думаете, плакаты повлият?

– Я вас уверяю. Отсутствие информационного обеспечения – главная проблема. Какая еще реклама нужна артисту Хазанову, который без малого сорок лет на сцене и тридцать на телевидении, безвылазно? Только информация.

– Информация, что концерты

замкнулся круг. Когда я начинал свою жизнь, точкой отсчета для меня было только то, что делал Райкин. И никакие другие артисты, никогда, ни при каких обстоятельствах. Хотя мне могло что-то очень нравиться. Для меня нет ничего удивительного в том, что мои интересы разошлись с интересами моих коллег. Причем разошлись очень давно – в том же 91-м году. Были события в Литве и Латвии, и группа кинематографистов написала письмо по поводу бойкота «Останкино». Я его подписал, и у меня была договоренность с госпожой Дубовицкой, что пока она мои пленки не ставит. Она в мое отсутствие – я был в Соединенных Штатах – сделала, как хотела. Это был уже не первый случай, мы с ней знакомы с 72-го года. Она работала в редакции сатиры и юмора Гостелерадио.

– Тогда вы разорвали отношения с «Аншлагом».

– Да. После этого я сказал: все, конец. Особенно когда она мне заявила, что для нее профессиональные интересы всегда будут выше личных. У меня никогда никаких личных отношений с Дубовицкой не было. Мы просто были хорошо знакомы, и в самые непростые минуты ее жизни – она не должна дать совет – я оказывал ей посильную помощь.

– Говорят, вы выступили по телевидению и поддержали закрытие «Аншлага».

96

— Нет, я ничего не комментировал и никаких интервью по поводу «Аншлага» не давал. Могли сделать вот что: когда нового министра представляли культурной обществу, я задал ему вопрос: «Поскольку вы теперь министр культуры и массовых коммуникаций, значит, вы несете определенную ответственность за то, что происходит на телевидении. Великое счастье, что у нас есть канал «Культура», но его наличие вовсе не оправдывает такого количества клубов личных обид по отношению ко мне. А с противодействующей стороны, кроме меня, не было никого, причем меня обрезали до такой степени, что даже бумаги, мною принесенные на запись, производили впечатление, что то ли я в туалет собираюсь, то ли еще что... А там были статистические данные. Я пришел с цифрами. Но они никому не были нужны.

— **Что вы называете «объявлением войны»?**

— Летом на канале ОРТ была 26-минутная передача, где, к великому сожалению, говорила только одна сторона, которая испытывает клубок личных обид по отношению ко мне. А с противодействующей стороны, кроме меня, не было никого, причем меня обрезали до такой степени, что даже бумаги, мною принесенные на запись, производили впечатление, что то ли я в туалет собираюсь, то ли еще что... А там были статистические данные. Я пришел с цифрами. Но они никому не были нужны.

— **Несмотря на многочисленные жалобы и недовольство худруком Хазановым, вы все-таки здесь.**

— Как видите. Пока здесь. Могу только вам сообщить, что все жалобы, будто бы я у кого-то отнял театр, выглядят как минимум странно. Потому что первого октября, то есть несколько дней назад, истек срок ответа на предложения, которые мы разослали подавляющему большинству наших звезд шоу-бизнеса и продюсерских центров, чтобы заранее распisać зал на сезон 2005/06 года. Там была просьба — любой ответ, хоть положительный, хоть отрицательный. Ответов нет. Вообще. За исключением очень вежливого отказа от

господина Киркорова и положительных ответов от господ Задоронова и Петросяна, а также от организации «Москонцерт», попросившей два дня в квартал. Подавляющее число людей из той передачи на ОРТ получили от меня приглашения, но ответа от них не последовало. Это значит, что театр как место для выступлений их не интересует. А что их интересует, знают только они. Хотя я могу об этом догадываться...

— Это все подмены, передегеривание карт. Ни один человек на прямой разговор со мной никогда не пойдет, потому что они знают, что правда не на их стороне. Артистам, участвовавшим в той пере-

раз он существует в рынке, должен показывать то, что заставляет людей покупать билеты. Все, что не заставляет покупать билеты, умирает само.

— **Сейчас у вас два основных направления — мюзиклы, которые, впрочем, идут и на других московских сценах, и спектакли Трушкина, но у него скоро появится свой стационар. При этом определенного лица у Театра Эстрады нет.**

— Что касается мюзикла, не надо забывать, какое количество эстрадных артистов было занято в мюзикле «Чикаго». Не говоря о том, что мюзикл — это абсолютно эстрадная форма.

атра Эстрады выжить и жить спойкойно — открыть казино. Тогда не имеет значения, сколько народу в зрительном зале. Система сообщающихся сосудов позволила бы работать, как в ночных клубах. Нужно ли это делать, вот вопрос.

— Название театру было дано в советское время, когда была эстрада и исполнители получали твердую ставку. Даже гонорарную сумму при концерте, составленном из звезд, мы потянуть не можем. Никто из них за тысячу долларов рот не откроет. Но допустим: эстрадный концерт в двух отделениях — это пятнадцать номеров. Значит, даже по реальному минимуму мы с вами должны заплатить 15

участие в каком-то празднике, беру микрофон и веду вечер, то я это делаю только у своих очень близких друзей. А они наперечет — пальцев на одной руке много будет. Чтобы за это я взял деньги? Так даже вопрос не стоит.

— **Ваша последняя сольная программа «Анна Михайловна и другие» — плод вашего же сочинения. Оказалось, что вы очень симпатично пишете. Почему бы вам не стать собственным автором и не продолжить в этом духе?**

— Это нельзя поставить на поток. Бородин взял и один раз написал «Князя Игоря», будучи химиком. Композитор? Композитор. Ну и я сделал что-то такое один раз. А второго раза может не случиться никогда.

— **Главная героиня «Анны Михайловны...» — пенсионерка-библиотекаря. Опять показное сочувствие человека, который сядет в «мерседес» и уедет?**

— Почему? Я знаю этих людей очень хорошо. Я вырос среди них. По сей день общаюсь с женщиной, которая у меня преподавала математику. Может быть, я живу не в системе координат «хрущевки», но это никак не перекрывает каналы моего сочувствия.

— **Почему, передразнивая российских политиков, вы не заходите дальше Ельцина? Чтобы жить без проблем?**

— В вашем вопросе заключен паскудный журналистский подтекст. Вы сидели и думали: как бы его спровоцировать? На самом деле ваш вопрос звучит так: а что ж с Путиным-то? Я ведь умный и матерый, я все понимаю.

— **Умный, наверное. Только я не очень понимаю, в чем тут «паскудство». Вопрос сформулирован вполне определенно.**

— И я вам на него отвечаю. У меня секретов нет. Я настолько разочарован в либерализме, который насаждался в России последние годы, что возвращаюсь к моей

относятся, как к клоуну. А куда деться от этого? На нем этот груз будет висеть всегда. Поэтому, с моей точки зрения, назначение губернаторов — абсолютно правильная мысль.

— **Разве вы всей своей жизнью не способствовали развалу предыдущей авторитарной системы? А теперь помогаете создать новую?**

— Нужно было, чтобы сломалась бессмысленная система декларированного социализма. Она подавляла инициативу одаренных людей. То, что тогда творилось, доходило уже до абсурда. Вы мне можете задать вопрос, а не дойдет ли до абсурда и сейчас...

— **Вот именно.**

— Знаете, я не Господь Бог и даже не ясновидящий. У России, как у маятника, небольшая амплитуда колебаний. Восемь, девять, десять лет — и опять все меняется. Так и будем раскачиваться из стороны в сторону. Во всяком случае, все, что я делал в своей жизни, я делал искренне. Я вырос в семье, где репрессировали первого мужа моей матери. Потом в 1957 году я видел реабилитацию. Потом, в начале 90-х мне дали прочесть доклад, написанный соседкой. Что делать: жизнь оказалась сложнее, чем я предполагал, когда в четырнадцать лет впервые выходил на сцену будущего Театра Эстрады. Тогда здесь был клуб Совета министров.

— **На ваш взгляд, в России сегодня существует еврейский вопрос? Вернее, в какой форме он существует?**

— Мне кажется, его нет в форме государственного антисемитизма. Это старый мой спор с Шендеровичем, которому я когда-то сказал: на что русский имеет право в России, еврей права не имеет. Так получилось. И я буду говорить это всегда. Хотя и те, и другие граждане России. Но морально, зная, какая может последовать реакция, я не понимаю, почему праздник Хануки надо бы непременно отмечать в Кремле? С моей точки зрения, это незачем. Нескромно. Что, кроме Кремля, Хануку нигде нельзя праздновать?

— **Или везде можно, или нигде нельзя. Так же, как Пасху.**

— **Вот Пасху в Кремле можно.**

— **Все-таки вы себя чувствуете чужаком.**

— Да. Мне это объяснили в детстве. И я запомнил очень хорошо. — **Не думала, что вы такой трагический человек.**

— Трагический, да, вам показались?

— **Ужасно. Плакать хочется.**

— Да, вы знаете, хочется иногда. Стоит комок в горле. Ведь я здесь выпотпал детскими ногами все Замоскворечье. И я знал, что жизнь быстро пролетит, но не думал, что настолько...

— **Он нервно маячит по гримерке, гасит одну сигарету, тут же прикуривает следующую, собирает в хмурые складки лоб и смотрит на тебя глазами такими холодными, насколько вообще могут быть холодными карие глаза. Но ни при каких обстоятельствах невозможным их снятие.**

— Он нервно маячит по гримерке, гасит одну сигарету, тут же прикуривает следующую, собирает в хмурые складки лоб и смотрит на тебя глазами такими холодными, насколько вообще могут быть холодными карие глаза. Но ни при каких обстоятельствах невозможным их снятие. Обидеться на человека, любимого с детства. Мы ведь из поколения, которое на Хазанове выросло. (Устойчивое, но дурацкое выражение. «Если бы вы на мне выросли, я бы вас скопил», — вероятно, ответил бы мне Хазанов.) Он думает, что наша любовь прошла, что ее больше нет. И ему плохо. При всем его благополучии, при всей самоуверенности — плохо. Это видно невооруженным глазом. Оказывается, бывшие нежитители нуждаются в очень простых вещах. Надо хотя бы иногда говорить им, что любовь жива. Примите к сведению.

Я похож на хозяйку, которая хочет варить суп, умеет это делать, а продуктов нет. А те, которые есть, они не только не первой свежести, но просто лежат за границами санитарной нормы

даче, очень хорошо известно, что происходило на их концертах в Театре Эстрады, сколько они собирали публики. И не это ли послужило причиной их отказа от контрактов на 2004 год, что подтверждено документами?

— **Я так понимаю, главная проблема — маленький зал. 1300 мест сегодня для эстрадных исполнителей — это не площадка.**

— Конечно. Я запросил у профессиональных людей расхотную смету на рекламу. И выяснилось, что 25 тысяч у.е., потраченных на мои концерты, — по нынешним временам просто ничего. Хотя такое «ничего» свело к финансовому нулю работу всех трех дней. Только наружная реклама в Москве для проведения какого-нибудь мероприятия сейчас стоит 150 тысяч. Это не мои слова, это слова профессиональных продюсеров. Сколько же должен стоить билет в Театр Эстрады, чтобы покрыть хотя бы рекламные расходы?

— **Что же делать?**

— Я-то знаю, что делать. Театр,

Некая эстрадная жизнь у этого театра может быть, но не на коммерческой основе. Например, мы решили в новогодние дни, в рождественские и в декаду 60-летия Победы провести серию сольных выступлений — Анофриева, Хилья, Магомаева, Толкуновой, ансамбля Моисеева. Не продавая ни единого билета. Потому что, как только идет продажа билетов, нужна реклама. Как только нужна реклама, нужны большие деньги. Театр станет банкротом.

— **То есть это будут благотворительные концерты.**

— Да. Театр сам готов расплачиваться с исполнителями. Слава богу, что у этих исполнителей иные финансовые амбиции, нежели у тех, кто исправно поет под фонограмму.

— **Вы называете страшные, на мой взгляд, фамилии: Задоронов, Петросян... В прошлом сезоне у вас играл чудовищный спектакль Угольников «Оскар». Я видела, с каким лицом вы сидели в зале....**

тысяч условных единиц. То есть больше десяти долларов должно стоить в среднем каждое зрительское кресло. При этом ни театру ничего не остается, ни на рекламу ничего не тратится. Один раз можно такое попробовать, но систематически... Любый человек, не экономист, дилетант, скажет: это невыживаемая история.

Отпустили на вольные хлеба артистов эстрады, разрешили им назначать суммы гонораров. Цены договорные. А как договориться со зрителем, чтобы он заплатил деньги? Я не от хорошей жизни все эти семь лет мечусь. И деньги, которые я получаю, выходя на сцену и играя спектакли, наверное, кроме улыбки, ничего у этих людей не вызовут. Но я без этого жить не могу. Это способ моей жизни, мои жабры. Я выхожу на сцену, чтобы там жить, и за это потом получить какие-то деньги. А не за тем, чтобы получить деньги и потом на них жить.

— **Когда я пришел сюда в 97-м году, театр находился в плачевном состоянии. Я провел семь лет в аб-**

лицо Хазанова

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

— Да... Да... В этом смысле очень трудно...

Знаете, я много лет назад оказался в поездке по войскам. Человек я на сцене был капризный, избалованный вниманием. Я не могу работать, когда кричат дети, — они мешают. У меня произошел конфликт в Венгрии. Поднялся шум, «Советская культура» написала, что я капризный артист, требую каких-то особых условий. Я сначала обиделся, доказывал свою правоту, а потом подумал: разве меня под дулом пистолета повезли по войскам? Я поехал, потому что платили суточные в иностранной валюте. Мне это было нужно, так к кому же я предъявляю претензии? Не нравится — не езди. Это я вам там опосредованно отвечаю на вопрос, что я чувствую, когда вышеупомянутые зрелища происходят в театре. Я пытаюсь найти себе оправдание. Театр не мой. Если бы я руководствовался своими художественными принципами, мы бы с вами беседовали не в помещении Театра Эстрады.

— **А на улице?**

— Не знаю... Во всяком случае, других артистов у нас нет. Не хочется этими руководить, уходи.

— **Вам стало бы легче, если бы театр поменял название?**

— Это ничего не изменит принципиально, разве только избавит от вопросов, почему эстрады мало... Единственный способ для Те-

солютно честном служении. Заподозрить, что здесь лежат мои финансовые интересы, как минимум странно. Когда говорят, будто бы я получил взятку за то, чтобы мюзикл «Чикаго» здесь жил, я могу только посмеяться. Я помню свой разговор с Киркоровым, который сразу просил меня на целый сезон отдать театр, и я сказал, что не могу этого сделать, и мне стали намекать, что я о чем-то не догадываюсь. Я сказал: в природе, может быть, и существуют такие деньги, но их точно нет у вас. Для меня этот театр действительно родной дом.

— **Выступления на других площадках вы считаете для себя неприемлемыми?**

— Абсолютно. Я существую в этом смысле моногамно. Зачем мне идти на другую площадку?

— **Если ваши финансовые интересы лежат вне театра, значит ли это, что у вас свой бизнес?**

— Вы позволите мне ограничиться только тем, что я уже сказал: мои финансовые интересы лежат вне Театра Эстрады.

— **И, соответственно, заработки на других площадках для вас тоже не принципиальны.**

— Нет. Мне хватает того, что у меня есть. Выступать в ночных клубах я не буду.

— **А на частных вечеринках?**

— Никогда. Если я принимаю

старой мысли: строительство цивилизованного капитализма должно осуществляться в авторитарном режиме. Я настаиваю на этом — для себя. Никого под свои знамена не призываю. Но и меня не надо убеждать, что демократия гибнет. Я выношу за скобки свою личную симпатию к этому человеку, к Путину. Даже если бы я не был с ним знаком, а просто прожил жизнь и стал задавать себе вопросы: все эти выборы губернаторов в провинции — разве не фальшь, не грязные технологии, замешанные на деньгах? Зачем играть эту комедию? Выборность этих людей делает невозможным их снятие. А как они выбираются? Вот артист Евдокимов стал губернатором — даст бог, у него что-то получится. Но объективно: может артист эстрады, который выступал в «Аншлаге», возглавлять регион? Ему же не придет в голову пойти сделать операцию человеку? А тут — руководить регионом. И ничего, нормально. Я ничего против Евдокимова не имею, я бы про любого это сказал. Говорят: вот, Шварценеггер. Не надо путать божий дар с яичницей. Там отлаженная машина, кого в нее ни посади, они работают. А здесь просто борьба группировок. И теперь бывший артист Евдокимов вытравляет в сознании своих избирателей, что он имел отношение к «Аншлагу». И я его понимаю, потому что к нему